

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА РУБЕЖОМ В СОСТОЯНИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Александр Сказа

1. Сегодня мы переживаем складывание нового мира – мира единой истории человечества. Об этом факте принято говорить в конце XX – начале XXI века как о факте становления глобального мира. В ответах на вопрос, что такое глобальный мир, встречаются в основном высказывания о двух альтернативных вариантах глобализации: о глобализации как гегемонизме (однополюсном мире) и о глобализации демократического полицентризма и равноправного партнерства (см. Панарин 1999: 85-115).

Концепция глобализации гегемонистски настроенных экономоцентристов и технократов, основывающаяся на одностороннем преувеличении роли рыночной экономики, в поиске наживы и экстранаживы часто превращает теорию прогресса в теорию естественного отбора. Такой взгляд сводит мир к делению на экономически „адекватные”, процветающие цивилизации и экономически якобы „неадекватные”, „нерентабельные” цивилизации; эти последние, экономически менее развитые цивилизации, рассматривает „экономический человек” развитых стран (не только Запада!) в качестве реципиентов, должных заимствовать как притязания и стандарты жизни избранных стран и наций, так и их безраздельное ведущее положение основной движущей силы мира. К концепции высокомерного избранничества относятся и концепции „золотого миллиарда”, „конфликта цивилизаций”, этнокультурного мирового барьера, но и одностороннего культуртрегерства, которое пропагандирует массовая культура (в большинстве случаев массовая культура коммерческого кино и телевидения; см. Лотман 2000: 638), в последнее время и глобализирующая сеть интернета. К упомянутым концепциям и феноменам мира экономоцентризма присоединяется и меркантилизация знания, знание становится главной производительной силой, им торгуют, вопрос о знании становится во-

просом о власти и управлении. Такая ситуация увеличивает разрыв между развитыми и развивающимися странами „периферии” (см. Лютар [Lyotard] 1998: 20-21, 28). Негативный полюс так называемой вестернизации, ослабляя национальные культуры „периферии” и связанные с ними специфические цивилизации, ведет к неожиданной активизации многоликого планетарного зла варварства (см. Панарин 1999: 100). Во всем этом кроется угроза утраты общечеловеческой перспективы.

Другая альтернативная версия глобализации, *гуманистическая глобализация*, исходит из убеждения, что основой действительных, качественно новых изменений, разрешающих накопившиеся роковые проблемы глобального мира, может быть только *культура*. Культура как память, культура как „особого рода связь между знанием и творчеством, философией и эстетикой, религией и наукой” (во все еще актуальном понимании Андрея Белого; Белый 1969: 7) есть возможность и умение одновременного бытия и диалогического общения различных – прошлых, настоящих и будущих культур; таким образом осмысленная культура есть умение встать на чужую, исторически далекую точку зрения и взглянуть на себя и свое окружение как на один из множества потенциальных вариантов истории, а не как на конечную цель истории – все это и есть гуманистическое обогащение глобализации (ср.: Гаспаров; Лотман 1997: 492-493). Такое отношение к глобализации, разумеется, не содержит в себе только оптимистические прогнозы и надежды на решение всех глобальных мировых проблем; на распутье непредсказуемой глобализации, на котором мы сейчас стоим, оно указывает на значение творческой инициативы и свободного выбора пути – или к *интеллигентности* (т.е. к преобладанию духовных интересов и уважительного отношения к „другому” и к „чужому” – по определению Б.Ф. Егорова), или к *мещанству* (т.е. к эгоцентризму, конформизму, наконец и к безынициативности и покорному подчинению деспотизму; см. Егоров 2000: 20-21). При выборе пути и творческой инициативы возможно, что в системе культуры именно искусству, в том числе и литературе, суждено преподать современному миру урок поисков ответа на загадку выживания (см. Лотман 1996: 336).

2. Гипотеза о возможности особой роли искусства в современном мире является постоянной темой и проблемой „апо-

логии искусства” в работах Ю.М. Лотмана. В контексте с мыслью о величайшем уроке, который человечество может извлечь из европейской культуры XVIII века, Лотман указывает на „рост значения творческих процессов, [на] необходимость приспособиться к миру, который лучше всего отражается художественными моделями” (*там же*, 335), и на то, как важно „научиться жить в обстановке выбора, т.е. в обстановке свободы”. Лотман в этом контексте особенно подчеркивает значение и актуальность пророческого предсказания Достоевского: „Красота спасет мир” (*там же*, 336). По мнению Лотмана, слова Достоевского можно истолковать „в том смысле, что трагические конфликты человеческой жизни могут быть исчерпаны при перенесении их в сферу искусства с его практически бесконечной вариативностью”; свое истолкование смысла предсказания Достоевского Лотман дополняет пониманием красоты „как открытой в неисчерпаемости непредсказуемости”, которая „неизбежно вызывает активность другого полюса, компенсирующего подвижность устойчивостью – полюса нравственности и религии, стабильных в своем разнообразии и динамике” (*там же*).

Апологию искусства и эстетического гуманизма (в особенности эстетического гуманизма Ф.М. Достоевского; см. Zenkovskij 1958) Ю.М. Лотмана мы приводим, поскольку искусство/литература есть важная функция культуры, стимулирующая ее целостное развитие, а познание культуры (своей и чужой) есть *кардинальное* условие для человеческого разрешения накопившихся проблем глобализации. Только человек высокой культуры отличает „Слово в устах” от „пены на губах” и на слово отвечает словом (см. об этом: Каграманов 2000: 157), следуя при этом, скажем, завету Д.С. Лихачева: „У каждой культуры и у каждого культурного народа есть своя миссия в истории, своя идея” (Лихачев 2000: 46).

Изречение „Красота спасет мир” – достояние „русской идеи”, но оно принадлежит и полифонии голосов интеллектуального универсума человечества. Актуальнейшим достоянием складывающегося глобального мира могло бы стать и чисто русское чувство „общей вины” и ответственности, выраженное в творчестве Достоевского афоризмом „все за всех виноваты” (см. об этом: Касаткина 1996: 322). Это чувство глубоко укоренилось в русской культуре и литературе; в 20-х

годах прошлого века оно отозвалось и в скорби „поколения, растратившего своих поэтов” (как назвал это поколение их современник Роман Якобсон в статье, написанной по поводу смерти Владимира Маяковского; см. Якобсон 1975: 8-34). О гибели Блока писал в своих воспоминаниях Замятин: „Это мы виноваты все... Помню – не выдержал и позвонил Горькому: Блок умер, этого нельзя нам всем простить”. На смерть Хлебникова, скончавшегося в нечеловеческих страданиях, отозвался Виктор Шкловский: „Прости нас за себя и за других, которых мы убьем... Государство не отвечает за гибель людей, при Христе оно не понимало по-арамейски и вообще никогда не понимало по-человечески” (*там же*, 9-10).

Своеобразным парадоксом истории XX века является отзвук русской идеи всеобщей ответственности в мысли великого русского гуманиста Андрея Сахарова, который взял к своей знаменитой статье *Тревога и надежда* эпиграфом слова великого американского гуманиста Мартина Лютера Кинга: „Несправедливость в одном месте земного шара – угроза справедливости во всем мире” (Сахаров 1990: 173). Слова Мартина Лютера Кинга если и не являются непосредственным повторением русской идеи всеобщей ответственности, то указывают (хотя и косвенным путем) на связь Андрея Сахарова с традицией русской гуманности как на один из источников апелляции ученого к „новому мышлению” и на глобальное значение идеи всеобщей ответственности за сохранение культуры и самой жизни на планете.

В состоянии глобализации было бы непростительно на лекциях русской литературы в контексте русской культуры не обратить внимание на такие достоинства и такой исторический опыт русской культуры и русской литературы.

3. В последние десятилетия, на переходе из XX в XXI век, впервые в истории русской культуры социокультурный плюрализм стал реальностью. Новое сосуществование науки, искусства и третьего компонента культуры, религии, способствует углублению всестороннего теоретического и исторического осмысления истории русской культуры. Ряд замечательных работ таких ученых, какими являются Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Б.Ф. Егоров, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский и другие, критически обогатил и расширил кругозоры знаний,

как исследований по истории культуры (П.Н. Милюкова и др.), так и работ по философии культуры (М.М. Бахтина, Н.А. Бердяева и др.). Современное „теоретическое осмысление истории русской культуры позволило увидеть не только то, как история тысячелетней культуры шаг за шагом предопределила становление и укрепление на национальной почве тоталитарной ментальности, а затем и тоталитарного государства”, но и то (что для нас гораздо более существенно), как в русской культуре с самого начала существовало зерно свободы, мысли и протеста (ср. Кондаков 1997: 652). Пушкинская „тайная свобода”, прозвучавшая в начале XX „века-волкодава”¹ в стихах А. Блока –

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
(Блок 1960: 377)

– является одним из ярких свидетельств нерушимого присутствия нравственно-эстетического и духовно-философского „ядра”, которое (по меткому определению И.В. Кондакова) „последовательно и стойко сопротивлялось” давлению тоталитаризма „ценой внешней или внутренней свободы, а подчас и ценой жизни” (Кондаков 1997: 652). Имя Пушкина и „тайная свобода” указывают и на другое – на действующее присутствие в русской культуре так называемой тернарной модели, включающей по определению Ю.М. Лотмана „мир зла, мир добра и мир, который не имеет однозначной моральной оценки и характеризуется признаком существования” (Лотман 1992: 84). Тернарная модель, начинающаяся от Пушкина, проходит через творчество и мысль Л.Н. Толстого и находит свое завершение в А.П. Чехове, а возрождение, мы бы сказали, в мировоззрении самого Ю.М. Лотмана, Андрея Сахарова и их последователей. Эта модель содержит глубоко-гуманное „представление о том, что человеческое бытие на земле не нуждается во внешнем оправдании и само по себе имеет безусловную ценность” (*там же*).

¹ Ср. стихотворение Осипа Мандельштама *За гремящую доблесть грядущих веков [Волк]* (Мандельштам 1990: 172).

Гуманное представление Пушкина-Толстого-Чехова о человеке как ценности самой по себе у большинства пропагандистов глобального мира полностью отсутствует. Этот факт актуализирует завет М.М. Бахтина, что „чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже” (Бахтин 1979: 334), и наводит на мысль, что реализация глобализации могла бы осуществиться через доскональное изучение идей конвергенции – на основе познания и уважения как собственной, так и чужой культуры.

Культурология сама по себе, а также в системе преподавания русской литературы за рубежом (с позволения сказать, и в России), несет в состоянии глобализации большую ответственность за осуществление плодотворного взаимопонимания и нормальных взаимоотношений между народами и странами глобализирующегося нового мира – мира единой истории человечества.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин, М.М.
1979 *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979 [Ответ на вопрос редакции „Нового мира”].
- Белый, А.
1969 *Символизм*, Slavische Propyläen, Band 62, München 1969 [Проблема культуры].
- Блок, А.
1960 *Собрание сочинений в восьми томах*, Москва – Ленинград 1960: III [Пушкинскому Дому].
- Гаспаров, М.Л.; Лотман, Ю.М.
1997 *Наука и идеология*, в: Гаспаров, М.Л., *Избранные труды*, Москва 1997: II [О стихах].
- Егоров, Б.Ф.
2000 *Очерки по истории русской культуры XIX века*, в: *Из истории русской культуры*, том V (XIX век), Москва 2000.

- Каграманов, Ю.
2000 *Ислам, Россия и Запад*, „Новый мир”, 2001: 7 (915).
- Касаткина, Т.А.
1996 *Характерология Достоевского*, Москва 1996 [Достоевский – философ].
- Кондаков, И.В.
1997 *Введение в историю русской культуры*, Москва 1997.
- Лихачев, Д.С.
2000 *Русская культура*, Москва 2000 [Три основы европейской культуры и русский исторический опыт].
- Лотман, Ю.М.
1992 *О русской литературе классического периода. Семиотика и история*, „Труды по знаковым системам”, Тарту 1992: XXV.
1996 *Очерки по истории русской культуры XVII – XIX века*, в: *Из истории русской культуры*, том IV (XVIII – начало XIX века), Москва 1996.
2000 *Семиосфера*, Санкт-Петербург 2000 [Технический прогресс как культурологическая проблема].
- Льотар, Ж.Ф. [Lyotard, J.F.]
1998 *Состояние постмодерна*, Санкт-Петербург 1998.
- Мандельштам, О.
1990 *Сочинения в двух томах*, Москва 1990: I.
- Панарин, А.С.
1999 *Глобальный мир: коллизии обретения общечеловеческой перспективы*, в: *Философия истории*, Москва 1999.
- Сахаров, А.Д.
1990 *Тревога и надежда*, Москва 1990.

Якобсон, Р.О.
1975

О поколении, растратившем своих поэтов, в: Якобсон, Р.; Святополк-Мирский, Д., *Смерть Владимира Маяковского*, The Hague-Paris 1975.

Zen'kovskij, V.
1958

Aus der Geschichte der ästhetischen Ideen in Rusland im 19. und 20. Jahrhundert, The Hague 1958.